

Шедяков Владимир Евгеньевич

(Пост)модерн – переход к политической культуре общества знания или контрмодерна?

УДК 1.000.165.6
DOI <https://doi.org/10.24195/2414-9616-2018-1-88-94>

Шедяков Владимир Евгеньевич
доктор социологических наук,
независимый исследователь
г. Киев, Украина

Тема актуализируется широтой диапазона открывающихся возможностей, характеристике баланса между которыми посвящена статья. Используются методы анализа, синтеза, сравнений, обобщений.

В результате исследований показано, что центральной социально-экономической фигурой становится личность вооружённого знанием научного консультанта-эксперта по конкретным вопросам теории и практики (включая и образовательный процесс). Формирование благотворной социально-экономической среды перемен связывается с поддержкой адекватного Сверхпроекта развития, а инновационных точек концентрации изменений – с усилением научно-образовательно-производственных кластеров с ядром из мозговых центров. Изменения в научно-образовательных структурах рассматриваются в контексте глубоких общемировых социальных трансформаций.

Как наиболее плодотворная для них анализируется стратегия, обеспечивающая гуманизацию общественной жизни (в частности содержательную, функционально-ролевую и организационно-управленческую). Характер постглобализма оказывается восприимчив к социальным комбинациям потребительского самоограничения в пользу творческого процесса и индивидуальной самодисциплины ради реализации сущностных сил.

Ключевые слова: общество знаний, парадигма, научно-образовательно-производственный кластер.

Мы должны брать из прошлого огонь, а не пепел.
Жан Жорес

Введение. Постмодерн как переходный период к новой парадигме жизнедеятельности в мирадах развилков повседневных решений, противоборство стратегий будущего. Диапазон исторического Выбора чрезвычайно широк: например, от нового модерна (уже на основе знания) вплоть до срыва в контрмодерн. Вместе с тем очевидно, что нарастание суммарной мощи человечества, прежде всего, в процессе добывания и обработки знаний само по себе создает основания для выдвигания совершенно новых требований к мировоззрению, мотивации, целям и социетальному управлению, осознание и освоение которых становится ныне важнейшей первоочередной задачей практики и теории. Знания – важнейший ресурс качества жизни и самоосуществления в ней, а использование ценностно-смысловых комплексов – крайне эффективное направление обеспечения нужного вектора изменений во всём диапазоне возможностей социального управления. Самозванство же жизненно заинтересовано в семейственности, клановости и коррупции как составляющих питательного слоя «смотрящих» (лейб-гвардейцев, чрезвычайных комиссаров и т.п.).

Цель и задачи. В этом контексте основной целью статьи становится выделение новых граней научно-образовательных ролевых изменений, позволяющих усилить позитивное звучание общественных трансформаций.

Теоретико-методологическими основаниями исследования являются, прежде всего, принци-

пиальные разработки И. Алексеенко, Н. Бердяева, А. Бузгалина, И. Валлерстайна, А. Дагаева, И. Егорова, В. Ефимова, П. Ещенко, А. Зиновьева, Э. Ильенкова, Т. Куна, В. Кушилина, В. Сагатовского, С. Сулакшина, некоторые идеи А. Агга, Е. Ануфриева, Г. Арефьевой, В. Арнольда, В. Борисова, В. Букреева, А. Гора, Дж. Курта, Э. Люттвака, Дж. Маккензи, Р. Макнамары, С. Мареева, Э. Маркаряна, Н. Моисеева, А. Печчеи, Г. Рейнгольда, Т. Сакайи, В. Толстых, И. Фролова, Й. Хейзинги, П. Хейне, Э. Швицера, Й. Шумпетера, а также характеристика украинских трансформаций Э. Афониним, О. Балакиревой, В. Буткалюк, Е. Головахой, В. Голяном, Е. Копатько, Л. Нагорной, А. Охрименко, Н. Паниной, В. Сусловым, и др.

Методы исследования. В частности, к методам исследования относятся анализ, синтез, сравнения и обобщения как применительно к историко-теоретическому материалу, так и в предвидении формирующихся перспектив.

Результаты. Исторические анализ и компаративистика убедительно подтверждают, что способность к устойчивости и изменению культурно-цивилизационных миров во многом определяется органичностью сплетённости в них (прежде всего, под влиянием исторического опыта, социокультурного наследия и ментальных матриц народа) объективных и субъективных факторов структурирования жизнедеятельности, формирующих разнокачественные обратные связи и отношение к творчеству (индивидуальному и массовому, в труде и управлении). В частности, контрмодерн – характеристика моделей постмодерного доминирования регресса с его чертами: деиндустриализацией,

откатом в сфере культуры, падением уровня образования и т.д. Срыв постмодерна как модели развития в контрмодерн как вариант деградации включает деградацию самой структуры общественных изменений, способа воспроизводства общественной жизнедеятельности. Причём архаизация общественной жизни и появление черт «нового средневековья» могут нарастать наряду с постмодерной атомизацией социума, а вовсе не быть возвратом к сплочённости общества традицией. Вместе с тем если Модерн приучил к оптимизации развития за счёт унификации модели жизнедеятельности, то разнообразие черт постмодерна (соответственно, постглобальности, постиндустриальности и т.д.) ориентирует как раз на принципиальное несовпадение подходов. Теперь конкуренция культурно-цивилизационных миров – это состязание моделей: чем выше своеобразие модели, тем легче и полнее можно учесть особенности своих условий, среды, ценностно-смысловых комплексов, ментальных матриц, наращивая конкурентные преимущества и сокращая роковые риски [5–7]. Таким образом, происходят изменения не только отдельных социальных институтов, но и самих комплексных моделей жизнедеятельности и развития, отношений и структур.

Существо происходящих трансформаций общественной среды перемен связано с переработкой стадийного (формационного, этапного) развития, с преодолением материальной доминанты жизнедеятельности. Акцентирование животного воспроизводства снимается процессами социального создания и воссоздания, творчества и тиражирования, которые ложатся в основание духовно-ментального развития, обеспечивающего новые формы традициям на основе ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров. Характер постглобализма оказывается восприимчив к социальным комбинациям потребительского самоограничения в пользу творческого процесса и индивидуальной самодисциплины ради реализации сущностных сил. Соответственно, научно-образовательно-производственные циклы перенастраивают свои ведущие звенья: фундаментальные исследования – прикладные исследования – технические разработки – изготовление новой техники – её распространение и использование, предполагая формирование как благотворной социально-экономической среды, так и инновационных точек концентрации изменений, находя пути решения противоречия между объективной потребностью в культивировании творческой одарённости (прежде всего, духовной) и «оттоком мозгов» в направлении наиболее благополучных регионов ойкумены. Первое акцентирует роль Сверхпроекта развития, второе – формирование научно-образовательно-производственных кластеров с ядром

из мозговых центров. Сущностная разница динамики общественного развития воплощается как в целеполагании общественного Сверхпроекта, так и в отношении индивидуальной одарённости, диапазоне творческой или отчуждённой среды их реализации. Чувство сопричастности к общественным проектам становится важнейшим мотиватором действий. Характер общественного Сверхпроекта цементирует общественная поддержка, с одной стороны, мещански-потребительскому социально-политическому поведению, с другой – ценностям творчества, что осуществляется, в частности, с привлечением ресурсно-методологических баз мифотворчества. В то же время характер подобной конкуренции смыслов часто (особенно в сетевом обществе) определяется не столько жёсткими государственными границами, сколько регионами и распространёнными психотипами. Вместе с тем развитие стран и подъём их экономик, как правило, осуществляется с опорой на определённые «точки развития»: кластеры, опорные регионы, ведущие концерны, промышленные группы и т.д. Они создают «цепную реакцию» и «вытягивают» прочих. Так в обществе формируется комплексная стимуляционная ситуация развития (свёрнутая схема воспроизведения стимулов поведения и стимулирования деятельности).

Ныне лидеры творят смыслы, выдвигают идеи, аутсайдеры тиражируют вещи. Ойкумена по-прежнему сохраняется и развивается силами нравственной саморегуляции, развивающейся из ментальных матриц народа в процессе обретения исторического опыта и освоения социокультурного наследия, воспринимаемых сквозь призму личности ценностно-смысловых комплексов. Именно моральные стержни через традиции, устои, обычаи создают, организуют и оберегают общество и его историческую субъектность. Но Модерн предоставил широкие возможности разнообразию личностного выбора и общественно важных инноваций. И ныне кто-то меняется, разделяя общераспространённые убеждения, кто-то – склонен к самостоятельной интерпретации и (пере)оценке. Вместе с тем соотношение аспектов (в т.ч. социальных и индивидуальных) конкурентоспособности для культурно-цивилизационных миров различно и подвижно.

В этом процессе конвейеризации общественно значимых инноваций роль знаний имеет тенденцию повышаться настолько значительно, что порой формируемый социум характеризуют как общество знаний. «Нормальная наука» при форсированном переходе уступает место парадигмальным изменениям неклассического и инновационно-синергетического толка [4; 8]. Длительное время наука и образование были дополнительны к производительному труду, однако уже его промышленная стадия кардинально изменила отношение и требования к их каче-

ству и роли. Дальнейшие же трансформации вели к превращению и образованию (самообразованию) в непрерывный процесс и науки в первую (ведущую) производительную силу общества через положение непосредственной производительной силы. Основанная на знаниях экономика существенно меняет привычные для индустриальных и доиндустриальных циклов производственные иерархии: во-первых, результаты хозяйствования больше зависят от применения инновационных идей, нежели от физической силы, ловкости или выносливости; во-вторых, использование высоких технологий важнее, чем переработка сырья или дешёвая рабочая сила. И в социальном плане каждый должен быть готов к непрерывному процессу содержательных и функционально-ролевых перемен, предусматривающему сосуществование, перекрещивание и сорезонирование самых разнообразных тенденций развития, среди которых уже ни одна не может претендовать на исключительное значение, которое позволило бы без ущерба абстрагироваться от прочих. Таким образом происходит движение к логике свободы, которое является и отказом от признания единственно оптимальным любого базиса развития, всякой методологии и подхода. Для высвобождения своего созидательного потенциала в этом процессе наука обретает характеристики постнеклассической, интегрируя методы и возможности разных сфер знания. При этом, с одной стороны, научно-образовательные структуры комплекса обязаны предоставлять качественные услуги своего профиля, воспитывая (именно образовывая, формируя) человека не только как носителя товара рабочая сила, но и как личность, подготавливая к встрече с вызовами постсовременного уровня. С другой – для этого необходимо опираться на широкое вовлечение заинтересованных в результатах подготовки представителей различных групп. Напротив, слом системности кадровой работы и выборочность правосудия, дополняемого разновекторностью хунвейбинов, – условия корпоративности изменений.

Кроме того, на авансцену выходит разнообразие подходов, требующее учёта своеобразия регионов и населённых пунктов, особенностей Гения места. В свою очередь, это предполагает приближение организационно-управленческих и ресурсных возможностей к повседневной жизни людей, закрепляемое последовательной децентрализацией и регионализацией. Гибкость структур отрицательной и положительной обратной связи позволяет и гасить вредные импульсы, и усиливать полезные, выливаясь в совершенствование самой меры развития, выращая субъектность в рефлексивность и позволяя множить конкретные преимущества соотношения циклично повторяемого и уникально невозпроизводимого. Чем больше оснований у общества, чем более сложная внутренняя структура, тем она более устойчива в периоды относи-

тельных стабильности и изменений, тем более способна к дальнейшему развитию. Поэтому федеративные республики всегда под угрозой распада, но в то же время внутри у них кипит жизнь, когда «моногосударства», достигнув апогея развития, начинают тяготеть к внутренней «смерти». Поэтому и постглобализм как форма взаимодействия культурно-цивилизационных миров включил в себя процессы регионализации, федерализации и глобализации и стал естественным этапом организации безопасности и развития человечества. Соединение в национальном государстве сил нации и государство когда-то дало на переходе из Традиции к Модерну мощнейший организационно-управленческий импульс. Позже первенство перехватила целостность на основе федеративной республики: практически все мировые лидеры стали ими на её базе. Да и в надгосударственном постглобальном структурировании её принципами обрастают во всех сферах жизни: «закрытое акционерное общество» государственности перерастает в «открытое». Но, как и любой процесс внутреннего развития, восприниматься он будет болезненно, по синусоиде в плоскостном воплощении или по восходящей спирали, если интерпретировать процессы в объёмной репрезентации.

И когда знание принципиально несовершенно, а цели динамичны до полного истончения и исчезновения, то, естественно, практика востребует новые, синкретичные политики. Но дело не только в этом. На переломе, когда общество испытывается на прочность процессами трансформации, противостояние разных смыслов, тенденций, влечений имеет не только внешний, но и внутренний характер, закрепляемый в региональном разнообразии [1–3]. На сломе эпох практически в каждом политико-экономическом явлении противостоят разнонаправленные стихии. Чтобы не допустить самоликвидации, раздора и вывести противоречия в творческую, созидательную, сочетающуюся плоскость, нужны технологии, базирующиеся на превращённых (преобразованных) формах. Превращённые формы – продукт превращения внутренних общественных отношений социально-экономической целостности, когда действительные социальные контакты вытесняются и замещаются иными элементами, слитыми со свойствами формы. Соответственно, промежуточные звенья-посредники мистифицируются и выступают единой целостностью. Объективным основанием тому является ситуация, когда некоторые характеристики предмета, порожденные его генезисом и опосредствованиями, могут не быть существенными для ряда сторон его существования. По мере утраты человеческих качеств людьми: самооценности, уникальности, особенностей поведения индивида – они переходят на что-то связанное с человеком и выступающее превращённой формой его собственной социаль-

ности. Для классического индустриализма это мир вещей и вещной зависимости (знаменитый вывод о денежном фетишизме как средоточии товарного). Для административно-бюрократической системы управления – это социальные функции, а общество – мир людей-вещей, людей-функций. Превращённая форма – это именно отделенная от своей наиболее глубокой внутренней сущности-субстанции массой невидимых промежуточных звеньев форма, так что зачастую это наиболее глубокое основание диффузирует. Тем самым нарастает конфликт видимых форм действительных связей и их внутреннего соотношения. Исходное отношение в этом случае не может осуществиться непосредственно из-за выпадения из актуально-наличной структуры связей либо своей ослабленности. Превращённые формы всегда имеют переходный аспект, но во времена переходности отклонения от социального стандарта – не свидетельство девиантного поведения, а нормальное проявление принципиальной много-секторности. И именно в переходных условиях превращённые формы обладают потенциалом ведущих регуляторов всей социально-экономической жизни общества. В том же направлении действует перевзвешенное состояние социальной ткани общества.

Формирование и распространение превращённых форм как стимула процессов модернизации – функция характеристик самого труда, в частности более глубинных, нежели зиждящихся на частной собственности, процессов его отчуждения. Социальный аспект отчуждения – различие в уровнях культуры и богатства, освоенных всем обществом и его отдельными социальными группами, профессиональными, национальными, партийно-идеологическими корпорациями. Личностный аспект – повреждение самоидентичности: индивид перестает соответствовать собственным человеческим качествам. Такая трактовка отчуждения позволяет, во-первых, успешно использовать категорию для рассмотрения ряда комплексных негативных явлений, не отождествляя с родственными (овеществление, позитивное отчуждение, опредмечивание); во-вторых, преодолеть случайно-мистический взгляд на понятие сущности как принципиально скрытой и требующей испытания, выпытывания для проникновения в тайны; в-третьих, локализовать проблему отчуждения труда как частный случай несвободы, когда отчуждение оказывается исторически необходимой формой прогресса, а то и фактором модернизации всего общественного строя. Так, социально-экономическая форма более глубокой сущности может иметь и собственную сущность, развивающуюся по особым, специфическим закономерностям. Как следствие уже форма обретает отдельность, самостоятельность, цельность, оказываясь субстанцией иных отношений и свойств, иницируя собственные явления по своей логике.

Происходит реальное извращение содержания; данностью оказывается именно форма, приходится оперировать ею.

Вместе с тем освоение результатов инструментальных трансформаций в постглобальной ойкумене уже привело к изменению социальных функционально-ролевых балансов. Ныне создание организационных предпосылок успешного проведения трансформаций усложняется переходным характером многих социально-экономических явлений, кардинальностью происходящих перемен, движением от социальной системы к бессистемной целостности. Направления подобных изменений характеризуются как проникновение в общественные отношения культуры постмодерна со свойственными для неё отличиями, формирующими собственные преимущества, опасности и ограничения, в частности, в организационной сфере и требующими соответствующих предпосылок развития. Тем паче в момент сдвигов парадигмального уровня, при приближении к состоянию институциональной неопределённости, приходится не столько руководствоваться привычными регуляторными правилами, сколько ориентироваться, с одной стороны, на ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира (которые, реализуясь в формах традиций, обычаев, укладов, обеспечивают воспроизводство и развитие экономики и общества в целом), с другой же – на общую логику исторического процесса и конкретные особенности: свои, своего положения и конкретики своих целей. Разумеется, прежде всего, это захватывает приоритетные сферы. Так, вплоть до начала XX века включительно сам факт получения высшего образования обеспечивал входение в высшие слои общества. Вместе с тем серия студенческих бунтов конца 1960-х годов (наиболее известный в Сорбонне) связана и с осознанием крайне неприятной реальности: высшее образование перестало гарантировать что-либо. На постсоветском же пространстве колоссальное перепроизводство учёных способствовало быстрому обесценению их труда и затенённости одарённых и креативных пробивными. Причём ныне при выкладывании в свободный доступ ведущими мировыми вузами своих базовых курсов для дистанционного/заочного обучения и нарастании числа разнообразных «открытых университетов» и прочих уподоблений обществу «Знание» ценность просто транслирующих внешние знания преподавателей настолько падает, что возникает тенденция к отмиранию этой профессии самой по себе, как когда-то летописцев и монастырских переписчиков. Напротив, характер постглобализма оказывается восприимчив к социальным комбинациям потребительского ограничения в пользу творческого созидания и индивидуальной самодисциплины ради реали-

зации сущностных сил, а центральной фигурой становится личность вооружённого знанием научного консультанта-эксперта по конкретным вопросам теории и практики (включая и образовательный процесс). Впрочем, похожие формы могут скрывать совершенно разное содержание. Так, если в анклавах становления общества знания повышение личного благосостояния сопоставлено с этими объективными динамиками, то без целенаправленных усилий общества для стран полупериферии и периферии формирующиеся глобальные тренды лишь превращают вымывание творческих, одарённых и активных людей, а также депрофессионализацию массы представителей научно-вузовского сектора в важнейшее направление утраты страной субъектных качеств. Для решения задач обеспечения приемлемого уровня материального благосостояния семьи они порой вынуждены либо в ущерб качеству увеличивать преподавательскую нагрузку, либо мигрировать, либо менять профессию. В противном случае заниматься наукой и преподаванием могут позволить себе или имеющие другие источники дохода, или живущие за чужой счёт.

Соответствующим образом и (пост)современное видение государствами всеобщего благосостояния предполагает не ориентацию на скопление разнообразных социальных иждивенцев и их услуги, а активную поддержку творчества (прежде всего, интеллектуального и духовного) с реализацией приоритета человека, его прав и свобод; социальной справедливости, то есть социального равенства людей в правах и возможностях; солидарности, понимаемой как выражение соборной общности человечества и сочувствия к жертвам несправедливости. Ныне же определяемые перспективы во многом складываются в альтернативу системного уровня: общество олигархических монополий или же творчества широких масс (прежде всего, в труде и управлении). Само по себе знание (тем паче информация) отнюдь не гарантирует понимания происходящего и его последствий, востребуя методологическую глубину освоения новых динамик с их возможностями и рисками, а также заостряя вопрос о целевой направленности его применения. Соответственно, защита своего культурно-цивилизационного мира выдвигает на передний план творческую одарённость, вооружённую знанием (в частности методологией поиска и воздействия). Это повышает необходимость последовательной, системной и повсеместной гуманизации ролевых функций в общественных отношениях (прежде всего, в научно-образовательно-производственных кластерах, усиливающих звучание социально значимых точек роста) на основе подъёма материального благосостояния и социального престижа занятых в них.

Существенно, что если для большинства культурно-цивилизационных миров их базовые ценностно-смысловые комплексы уже сложились и испытываются на прочность сложными постсовременными процессами, то для Украины активно идёт их доформирование. Возможности конструктивного воздействия здесь ограничены: наиболее важные даже социально-экономические, а уж тем более нравственно-этические новации не придуманы и реализованы целенаправленно, а спонтанно выросли на основе ценностно-смысловых комплексов культурно-цивилизационных миров. Часто рационализм лишь легализует решения, принятые на основе иррациональных мотивов. Каждый же шаг насильственного культуртрегерства и запрета на творческое самовоплощение вызывает в последующем, как правило, попятный ход исторического процесса. Недоверие же к рационализму, породившему и усилившему средства массового уничтожения и манипуляции, вызывает «бегство» в мифотворчество, изоляционизм, в традиционные верования.

Так, при опоре на базовые ценностно-смысловые комплексы своего культурно-цивилизационного мира реформа становится жизненным принципом, вовсе не отвергающим исторический опыт и жизненный уклад. Преданность будущему не отрицает завоеваний прошлого. Духовное подвижничество при этом отливается в организационно-управленческих формах, соответствующих логике общественных процессов. Восприятие и интерпретация вариантов происходящего, прошлого и будущего историчны. Состояние рефлексии и субъектности в каждый момент существенно зависит от налаженности и органичности обратных связей. Как известно, у каждой эпохи свои нормы и формы выхода за них (как в моральное, так и в аморальное, как в героическое, так и в низменное): различные условия востребуют разные черты. Жизнедеятельность культурно-цивилизационных миров интегрирует восприятие социокультурной постистории (где можно использовать и реактуализировать образы из самых разнообразных эпох) и предистории (когда ничего не предпринято, могут победить самые противоречивые формы), что обостряет антагонизм между системными началами олигархического монополизма и интеллектуально-культурного развития как формирующих среду общественных отношений. При этом парадоксальный характер постмодерна упрощает формирование самых причудливых альянсов. Так, неприятие и отторжение модерного взлома традиционной жизни с присущими ему эксцессами и конфликтностью (в частности, между возможностями и качеством жизни в городе и селе) может стать одним из факторов социального наполнения протестных движений в жизни общества, правового нигилизма и выборочного правосудия с давлением радикалов на судебные инстанции.

При этом изменения в содержании процессов требуют адекватных функционально-ролевых и организационно-управленческих трансформаций. В частности, в создавшейся ситуации наиболее плодотворная стратегия – культивировать гуманные условия жизнедеятельности, стимулирующие развитие и раскрытие сущностных сил человека. Со времён порыва Просвещения и Высокого Модерна общество приучено к идее о благотворности знания и его связи с развитием: как единым целым, так и его составными частями (технично-технологическим, социально-экономическим и ценностно-смысловым прогрессом). Однако высвобождение мощных разрушительных (и саморазрушительных) сил делает настоятельно необходимым обеспечение вектора гуманизации общественной жизни (в частности ролевой и содержательно-деятельностной) и создание прочной нравственной основы для дальнейшего освоения мира. Соответственно, комплексная и последовательная гуманизация общественных отношений с ростом политической культуры – важнейшее направление предотвращения контрмодерна.

Выводы. Таким образом, ныне практическая истинность теории обществоведения предполагает укрепление нравственного фундамента и углубление вектора гуманизации знаний, а не просто продолжение инструментальной эксплуатации информационных потоков. И дело не в оправдании нового антиинтеллектуализма, а в заведомо ограниченном месте знания в обществе – и потенциала культуртрегерства. Между тем, только неизведанное и несбывшееся может быть поистине совершенным, поскольку не обременено червоточинной реальности. Ролевое приближение же к идеалу выводит из реальной жизни. При этом защита своего культурно-цивилизационного мира выдвигает на передний план творческую одарённость, вооружённую знанием (в частности методологией поиска и воздействия).

В частности, конвейеризация общественно важных инноваций вынуждает слой преподавателей и учёных к кардинальному изменению стиля жизни и места в обществе. Достижение соответствия социокультурных полей возможностям и рискам «умного общества» требует коррекции отношений на осях как «общество – государство – бизнес», так и «человек – культурно-цивилизационный мир». При этом ныне преподаватель из «озвучивателя банальных истин» превращается в консультанта и мотиватора.

Тем самым разноуровневое управление интеллектуальной деятельностью при усилении в глобальном масштабе структурирующего, системообразующего значения общества знаний становится решающим направлением успеха социально-экономического развития общества. Его миссия – развить, высвободить и активизировать созидательный интеллектуальный потенциал,

опираясь на кардинально разнокачественные ресурсные базы и интегрируя не только имманентные возможности, но и эффективные и способные к развёртыванию в новых условиях моменты социального наследия предшествующих моделей (прежде всего, наработанных Традицией и Модерном). Управленческого технократизма с его «холодным», «объективированным» управлением и приоритетом исполнительской лояльности совершенно недостаточно: он заведомо не в состоянии высвободить весь творческий потенциал работника в частности и общества как целостности.

Эффективные организационно-управленческие инновации ориентированы на более полное раскрытие индивидуальной одарённости человека и связаны с гуманизацией механизмов реализации публичных и частных интересов в формах соборности и партнёрства вокруг базовых общественных ценностно-смысловых комплексов. Соответственно, для социально-экономического (в частности хозяйственного) успеха насущным становится переход от превалирования привычек и стереотипов администрирования к гуманизированным практикам стимулирования: на индивидуальном уровне – деятельности, на общественном – желательных трансформаций.

Ныне определяемые перспективы во многом складываются в альтернативу системного уровня: общество олигархических монополий или же творчества широких масс (прежде всего, в труде и управлении). Само по себе знание (тем паче информация) отнюдь не гарантирует понимания происходящего и его последствий, востребуя методологическую глубину освоения новых динамик с их возможностями и рисками, а также заостряя вопрос о целевой направленности его применения. Соответственно, защита своего культурно-цивилизационного мира выдвигает на передний план творческую одарённость, вооружённую знанием (в частности методологией поиска и воздействия). Это повышает необходимость последовательной, системной и повсеместной гуманизации ролевых функций в общественных отношениях (прежде всего, в научно-образовательно-производственных кластерах, усиливающих звучание социально значимых точек роста) на основе подъёма материального благосостояния и социального престижа занятых в них.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Нагорна Л.П. Регіональна ідентичність: український контекст. Київ: ІПіЕНД імені І.Ф.Кураса НАН України, 2008. 405 с.
2. Нечуй-Левицький І. Кайдашева сім'я. Київ: Основи, 2015. 176 с.
3. Рассоха И. «Украинская Сицилия» и «Украинский Пьемонт». Бизнес Информ. 1995. С. 5–9.
4. Шедяков В.Е. Постглобализм как социально-экономическое явление. Рухес. 2016. № 4 (3). С. 104–114.

5. Шедяков В.Е. Субъектность общественных трансформаций и формирование их вектора и результатов. Актуальні проблеми філософії та соціології. 2016. Вип. 12. С. 148–152.

6. Beck U., Giddens A., Lash S. Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order. Stanford, CA: Stanford University Press, 1994. 233 p.

7. Kurth J. Toward the Postmodern World. Dialogue. 1993. № 2. P. 8–13.

8. Sarrazin T. Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setze. Мюнхен: Deutsche Verlags-Anstalt, 2010. 463 s.

REFERENCES:

1. Nagorna I. P. Regional'na identichnist' (2008). Kyiv: IPIEND ім. I.F. Kurasa NAN Ukraїny. 405 s. [Regional identity: Ukrainian context. K.: Institute of Political and Ethnic Studies named after I.F. Kuras of the National Academy of Sciences of Ukraine. 405 p.]

2. Nechuy-Levytskyi I. (2015). Kaidasheva sim'ya. Kyiv: Osnovy. 176 s. [Kaidasheva family. K.: Fundamentals. 176 p.]

3. Rassokha I. (1995). "Ukrainskaya Sitciliya" i "Ukrainskiy P'emont". Biznes Inform. S. 5–9. ["Ukrainian Sicily" and "Ukrainian Piedmont". Business Inform. P. 5–9.]

4. Shedyakov V.E. (2016). Post-globalizm kak social'no-ekonomicheskoe yavlenie. Pyxes. № 4 (3). S. 104–114. [Post-globalizm as a socio-economic phenomenon. Pyxes. № 4 (3). P. 104–114.]

5. Shedyakov V.E. (2016). Sub'ektnost obshchestvennykh transformatsiy i formirovaniye ih vektorai rezul'tatov. Aktual'ny problem filosofii ta sociologii. Vyp. 12. S. 148–152. [Subjectivity of social transformations and the formation of their vector and results. Actual problems of philosophy and sociology. Issue 12. P. 148–152.]

6. Beck U. (1994). Reflexive Modernization: Politics, Tradition and Aesthetics in the Modern Social Order / Ulrich Beck, Anthony Giddens, Scott Lash. Stanford, CA: Stanford University Press. 233 p.

7. Kurth J. (1993). Toward the Postmodern World. Dialogue. № 2. P. 8–13.

8. Sarrazin T. (2010). Deutschland schafft sich ab. Wie wir unser Land aufs Spiel setzen. Мюнхен: Deutsche Verlags-Anstalt. 463 s.

(Post) modernity – the transition to the political culture of the knowledge society or counter-modern?

Shediakov Volodymyr Yevhenovych

Doctor of Sociology, Free-lance
Kyiv, Ukraine

The theme is actualized by the breadth of the range of opportunities that are opening; the article is devoted to the balance characteristic between them. Methods of analysis, synthesis, comparisons, and generalizations are used.

As a result of the research it was shown that a person of a scientific adviser-expert on specific issues of theory and practice (including the educational process), armed with knowledge, becomes the central socio-economical figure.

The formation of a beneficial social and economic environment for transformations is associated with the support of an adequate Superproject of development, and innovative points of concentration of changes-with the increasing of research-educational-production clusters with a core of think tanks. The strategy that ensures the humanization of social life (in particular, content, functional-role and organizational-managerial) is analysed as the most fruitful for them. Changes in scientific and educational structures are considered in the context of deep global social transformations. The nature of post-globalism is susceptible to social combinations of consumer self-constraints in favour of creative process and individual self-discipline for the sake of realizing essential forces.

Key words: society of knowledge, paradigm, scientific-educational-production cluster.